

СЕМАНТИКА СЛОВ «АНТИМИР» И ПРОБЛЕМА ОМОНИМИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

М. Н. Булдакова (Ижевск)

Современное состояние решения проблемы словообразовательной омонимии лингвистами-словообразователями таково, что разность мнений и подходов не позволяет определить ее однозначно.

А между тем в русском языке имеется достаточно большое количество примеров, когда два и более слова имеют одинаковую производящую основу, фонетически совпадающие аффиксы и разные значения.

Если мы обратимся к словарям словообразовательных средств или же к толковым словарям, в которых представлены некоторые словообразовательные средства (чаще всего префиксы), то мы убедимся в том, что эти описания расходятся, во-первых, в *количестве* значений, приписываемых одному и тому же аффиксу, и, во-вторых, в *порядке* представления отдельных значений. А это, безусловно, ведет к трудности понимания и объяснения того, почему один и тот же аффикс может выражать разные значения.

Ученые по-разному объясняют подобные языковые факты. Большинство ученых усматривает в этом полисемию. Как верно замечает Г. А. Николаев: «Спрашивается только какую? Лексическую, словообразовательную или ту и другую?» (1, с. 34).

Е. С. Кубрякова объясняет «расширение семантических возможностей одного аффикса» (3, с. 5), вводя понятие прототипического семантического сдвига, «отражающего логику перехода от одного значения к другому и формирования путем такого сдвига нового значения в структуре изучаемой единицы» (там же, с. 5). При выдвигании указанного понятия автор преследует цель объяснительную - «интерпретации модели регулярной полисемии, ее процессуального освещения» (там же, с. 5). Таким образом, Е. С. Кубрякова, представляя пошаговое историческое развитие определенных значений в структуре одного аффикса, интерпретирует заявленную проблему как факт словообразовательной полисемии.

Очень часто мы имеем примеры рассуждения о многозначности применительно к словообразовательному средству, которое, по справед-

ливому замечанию Г. А. Николаева, изучается в отрыве от основной единицы словообразовательной системы, словообразовательного типа (I).

В рамках поставленной проблемы обратимся к некоторым примерам (на материале суждений об антимире), которые позволят ее конкретизировать.

Антимир - это понятие, обозначающее гипотетический «мир» - «мир, состоящий из антивещества» (4); «пока астрофизике не известны данные, которые говорили бы о существовании во Вселенной областей, заполненных антивеществом» (5, с. 32).

Если «под словом *мир* понимается обычно совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная или ее отдельная часть, планета, а также отдельная область явлений» и «синонимами слова *мир* выступают действительность, реальность (объективная), бытие, природа и человек» (6, с. 33), то понятие *антимир* как частнонаучная (одна из физических) картина мира относится к понятию *мир* как часть к целому, как вариант к инварианту, являясь результатом одного из способов мировидения, актов миропостижения, представляющего объективную реальность. *Антимир* как «новый мир», открытый современной наукой, - это «не отдельный где-то существующий автономный мир, а всего лишь аспект реального бесконечного единого мира» (6, с. 39). И если приставка в слове и выражает значение противоположности (хотя объективно она заключает в себе лишь новое значение), то оно в известной мере условно.

Однако существует иное понятие *антимир*. Так говорят «о том, что противоположно, противопоставляется по своему содержанию, характеру чему-либо» (4). Как образовано слово в этом случае, семантическим способом от слова «антимир» или морфологическим при помощи приставки *анти-* от имени существительного «мир»?

Обратимся к контекстам, в которых это слово употреблено:

«Открытие физиками антимиров повлияло на образное мироощущение А. Вознесенского. В поэме "Оза" облик героини, даже ее имя "двумирны" - "Зоя-Оза", то есть Зоя в мире, Оза - в антимире, и именно на предметном стекле этого состояния поэт рассматривает событийность внутри себя и извне. Это поэтически преображенное исследование физического явления, властного над живым организмом человека» (Лит. газета 29 авг. 1979. С. 5). Очевидно, что перед нами пример семантического переосмысления физического понятия «антимир» (см. о семантическом способе словообразования работу 7). Или такие примеры:

«Его рассказ "Дракон" написан в то время, когда на его правой руке еще не блестело золотое кольцо почетного доктора Стокгольмского университета, даже присуждение ему степени кандидата в столь необычных условиях было вопросом. Он голодал и наблюдал блокадный мир, блокадный "антимир"». (Нева. 1989. № I. С. 118); «Ибо даже

когда вокруг него завьются банальные демоны советского зла, он отреагирует на первую же фантазмагорию на уровне своего социального подсознания - обратится к власти имущим, к тем, кто дирижирует нашим антимиром под черными звездами нашего неба. ...Одним словом, как в сказке: в самом деле, кто спросит, почему Соловей-разбойник, или Баба-Яга, или Змей Горыныч? Потому что потому. Ибо реальность под нашими звездами (я не намекаю на кремлевские, это было бы слишком просто!) вовсе не противостоит какому-нибудь своему антимиру - она сама есть тот антимир. И потому чудеса здесь будничны и невероятны одновременно». (Искусство кино. 1991. № 12. С. 92).

«"Антимир" здесь - это "мир вообще, как некоторая всеобъемлющая данность, в которую включен человек наряду с другими людьми» (8, с. 52-53). Слово образовано морфологическим способом при помощи приставки *анти-*, выражаемое ею значение «отрицание тождества при наличии сходства производящей и производной основ» (9). Значение, выражаемое приставкой *анти-*, отражает «основу механизма сознания, порождающего новое», «это положение на "перекрестке" противоположностей» (10, с. 386).

Другие примеры:

«То, что манихеи к концу XIV в. исчезли с лица Земли, неудивительно, ибо они, собственно говоря, к этому и стремились. Ненавидя материальный мир и его радости, они должны были ненавидеть и саму жизнь; следовательно, утверждать они должны были даже не смерть, ибо смерть - только момент смены состояний, а антижизнь и антимир. Туда они и перебрались, очистив землю для эпохи Возрождения» (Л. Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гигрометеиздат, 1990. С. 461); «Следует помнить, что Феллини и ряд других выдающихся кинорежиссеров всю жизнь стремятся разрушить тот мир, который был возведен в их душе и сознании буржуазным, религиозным воспитанием и образом жизни (ведь покров таинственности их фантазий является результатом религиозного воспитания и религиозного мировоззрения). Всю жизнь они стремятся уйти от него, и всю жизнь они снова и снова к нему возвращаются. Будучи не в состоянии ни преодолеть этот мир, ни превзойти его, ни отделаться от него, они начинают создавать определенный антипод этому миру - своеобразный свой "антимир"». (К. М. Долгов. Итальянские этюды. Человек и история: поиск истины и красоты.: Худ. лит-ра, 1987. С. 460-461);

«"Антиженщина" - это не девица, не мужчина и даже не обитательница антимира. Это, например, Виргинская, которая "больше читает" нигилистическую литературу, чем живет полноправной женской жизнью"». (Ю. Карякин. Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. С. 528).

«Антимир» в этом случае - это потусторонний мир, преисподняя. Антимир, о котором может идти речь в последних высказываниях, это

некоторая область бытия, отличная от других сопоставимых с ней областей, характеризующаяся своими, присущими только ей свойствами, закономерностями, и выступает этот мир, или антимир, на фоне противоположенного ему мира или миров, являясь его антиподом. В этом случае слово «антимир» также образовано морфологическим способом при помощи приставки *анти-*, однако приставка выражает значение противоположности. Перед нами редкий случай омонимии. Как можно убедиться, грань, отделяющая мир вообще от альтернативного мира (антимира), часто весьма относительна. В большинстве случаев альтернативный мир выделяется в мире вообще, являясь его частью, но выделяется он не чисто механически, альтернативный мир - «это, скорее, отдельные стороны, аспекты мира, фокусирующие на себе углубленное внимание человека, обнаруживающего в них особые, присущие только этим сторонам действительности свойства и закономерности» (8, с. 57-58).

Еще один пример, который интересен прежде всего тем, что префикс *анти-*, выражая значение противоположности, передает положительную оценку («другая сторона зеркала - антимир», в котором певица возникает «обновленной»):

«У меня не было какого-то одного ампула, а если и было, то ампула многоплановой певицы. А потом я, как зеркало, разбилась, и все осколки стали петь, как бы все вместе, но вместо меня. Правда, у меня есть еще и другая сторона зеркала - антимир. И я опять возникаю обновленной и немножко другой» (Аргументы и факты. 1994. Но. 44. С. 8).

И наконец последний пример, отражающий постепенность перехода от понятия «мир» к понятиям «антимир». Высказывание построено на игре всех значений, выражаемых префиксом *анти-*, которые были нами рассмотрены. «Бескрайние пространства поломанных машин, от края до края - сплошь поломанные машины. Бренное железо, гнилая пружина. Мир, "не-мир", анти-мир, анти-миры, анти-миры-я и все прочие, прочие, прочие, прочие миры. Гигантская неохватная странность, сущее бедствие...» (Э. Ионеско. Прерывистый поиск // Э. Ионеско. Противодия. М.: Издательская группа Прогресс Литера, 1992. С. 456).

Мы имеем тот пример, когда «каждый случай употребления данного слова может оказаться в той или другой степени ценным для разных выводов» (II, с. 286). Анализ фактов употребления слов «антимир» позволяет сделать вывод, что они демонстрируют образцы и лексической (результат безморфемного производства слов), и словообразовательной омонимии, которая может быть квалифицирована как системное явление русского словообразования наряду со словообразовательной синонимией и антонимией. Чтобы определить характер омонимии, необходимо в первую очередь учитывать семантический аспект словообразовательных явлений. А содержательная сторона словообразования как процесса раскрывается лишь в сложных соотношениях и

пересечениях с другими словами. Единичные факты языка, история отдельных слов в контексте культуры, стиля эпохи и форм мировоззрения оказываются весьма важными для установления общих языковых закономерностей.

Литература:

1. НИКОЛАЕВ, Г. А.: Словообразовательная омонимия // Бодуэн де Куртене и современная лингвистика. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. С. 100-105.
2. ТИХОНОВ, А. Н.: Словообразовательный словарь русского языка: В 2 тт. М.: Русский язык, 1985. Т.1.
3. КУБРЯКОВА, Е. С.: Прототипическая семантика и исторический экскурс в описании словообразования // Проблемы функциональной семантики: Межвуз. сб. научн. тр. Калининград: Калининградский ун-т, 1993. С. 3-9.
4. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под редакцией Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
5. Физический энциклопедический словарь. Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия 1983.
6. ПОСТОВАЛОВА, В. И.: Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
7. МАРКОВ, В. М.: О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981. 29 с.
8. ЛЕБЕДЕВА, Л. Б.: Высказывания о мире: Содержательные и формальные особенности // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 52-63.
9. БУЛДАКОВА, М. Н.: Образования с начальным анти- в русском языке (на материале имен существительных): Автореф. дис. канд. фил. наук.
10. ЛОТМАН, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII - начало XIX). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
11. ЩЕРБА, Л. Б.: Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1971. С. 265-304.